

ЕКАТЕРИНА СВЕТ
ТАНЯ БЕЛКОВА

МОЙ ВРАЧ СКОРОЙ ПОМОЩИ

Ночная сирена

**Екатерина Свет
Таня Белкова
Мой врач скорой
помощи. Ночная сирена**

<https://litres.ru/74666723>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я отказалась от протекции отца-академика и пришла на самую тяжелую подстанцию скорой помощи. Старший врач Арсений Волгин сомкал мое направление: «Мне нужен мужик, а не девочка с кафедры». У меня две смены, чтобы доказать обратное. У него — боль, которую он прячет за грубостью, и привычка никого не подпускать. Ночные вызовы, опасные подвалы, горячий чай у реанимобиля Я учусь доверять его рукам, а он — мне. Только чиновник из горздрава уже готовит удар: закрыть нашу бригаду, лишит нас работы и права спасать людей. Волгин привык заслонять меня собой. Но теперь я не отступлю за его спину. Даже если ради него придется пойти против тех, кто привык решать чужие судьбы.

Екатерина Свет

Мой врач скорой помощи. Ночная сирена

Мой врач скорой помощи. Ночная сирена

Екатерина Свет и Таня Белкова

Глава

1

Слякоть конца октября в нашем городе пахнет мокрой сажой и безнадежностью. Ледяной дождь со снегом хлестал в стекло дребезжащего троллейбуса, когда я вышла на конечной у промзоны. В руке оттягивала плечо сумка со сменной формой, личным фонендоскопом и выглаженным халатом, который здесь, как я уже знала, никому не понадобится.

Четвертая подстанция скорой помощи встретила меня глухим бетонным забором, побитыми «Газелями» и запахом, от которого перехватывает горло: смесь карболки, мазута, паленого сцепления и остывшего растворимого кофе. Самая тяжелая подстанция миллионника. «Штрафбат», куда отправляли либо фанатиков, либо неисправимых бунтарей. Я пришла сюда добровольно.

В кабинете заведующего Ильи Борисовича Рогова висел сизый табачный дым. Сам Рогов — грузный старик с отека-

шими веками — сидел за заваленным столом. А напротив него, опершись кулаками о столешницу так, что трещало оргстекло, возвышался тяжелый, монолитный силуэт мужчины, от одного вида которого веяло глухой физической силой.

Арсений Волгин. Старший врач реанимационной бригады БИТ-1.

Широченные плечи под темно-синей штормовкой с выцветшими полосами, стриженный под ноль затылок с косым белым шрамом за ухом. Когда дверь скрипнула, он медленно повернул голову. Глаза у него были цвета замерзшей речной воды — тяжелые, немигающие, выжженные изнутри. На правой руке костяшки пальцев были сбиты в темные, грубые мозоли.

— Илья, ты надо мной издеваешься? — голос Волгина перемалывал гравий. — Мне в бригаду нужен мужик, который носилки на девятый этаж без одышки затащит и зубы в драке выставит. А ты мне кого суешь? Девочку с кафедры с красной корочкой?

Мое министерское направление лежало перед ним. Волгин даже не дочитал — скомкал и швырнул в корзину.

— Доктор Волгин, — я сделала шаг вперед, глядя ему прямо в переносицу. — Меня зовут Кристина Владимировна Мельникова. Врач анестезиолог-реаниматолог. И я пришла сюда работать, а не выслушивать хамство.

— Работать? — он развернулся всем корпусом, обдав ме-

ня холодом и запахом крепкого табака. Смерил взглядом с головы до мокрых ботинок. Рост метр семьдесят, собранные в тугой пучок темно-русые волосы. Для него я была пустотой. — Ты хоть раз видела, как человек захлебывается собственной кровью при переломе основания черепа? Рухнешь в обморок на первом трупе, а мне отвечай. Рогов, отправь ее на детскую линию.

— Арсений, помолчи, — устало выдохнул Рогов, прижимая ладонь к сердцу. — После гибели Игоря к тебе никто не идет. Месяц бригада в некомплекте.

При имени погибшего напарника челюсти Волгина сжались до желваков. Об Игоре я слышала еще до перевода: год назад молодой фельдшер погиб на ночном вызове, закрыв Арсения от ножа. Подробности никто не рассказывал. С тех пор Волгин выживал со смены каждого нового напарника.

— И это не все, — Рогов достал бумагу с гербовой печатью. — Распоряжение замглавы горздрава Логинова. Оптимизация. Логинов спит и видит, как закрыть нашу реанимацию в пользу фельдшеров. Дешевле ему. Если Мельникова не пройдет испытательный срок за две смены или поступит жалоба — ставку второго врача БИТ-1 снимут с подстанции навсегда.

Волгин с глухим рыком врезал кулаком по столу:

— Логинов... Гнида кабинетная. Решил нас тихо придушить. — Он снова повернулся ко мне, прожигая яростным взглядом: — Значит так, Мельникова. Играть в поддавки не

стану. Если облажаешься хоть на секунду, если дрогнет рука со шприцем — я лично вышвырну тебя за ворота с волчьим билетом. Поняла?

— Предельно, доктор Волгин. Где расписаться за вводный инструктаж?

Он криво усмехнулся и зашагал по коридору:

— За мной. Проверим матчасть на ходу.

Мы шли по выкрашенному казенной краской коридору. Волгин чеканил шаг армейскими берцами:

— Женщина, тридцать лет, падение с четвертого этажа. Давление шестьдесят на сорок, пульс сто сорок. Живот доскообразный. Твои действия?

— Геморрагический шок третьей степени, разрыв селезенки, — четко ответила я, не сбивая дыхания. — Два катетера G14 или G16 в вены. Струйно кристаллоиды и коллоиды три к одному, подогретые до тридцати семи градусов. Транексам — грамм внутривенно болюсно. Обезболивание — фентанил после восполнения ОЦК. Кислород через маску с резервуаром.

— Темп инфузии норадреналина при стойкой гипотонии?

— Ноль целых две десятых микрограмма на килограмм в минуту через дозатор, титруем под контролем среднего давления не ниже шестидесяти пяти.

Волгин замер у женской раздевалки так резко, что я едва не врезалась в его спину. В его глазах мелькнуло удивление, тут же скрытое маской:

— Книжки зубрить умеешь. Посмотрим, что останется от формул, когда железо будет резать живое мясо. Форма в третьем шкафчике. Пять минут.

Выданная синяя куртка с надписью «БИТ-1» оказалась пятьдесят второго размера. Я перехватила широкие манжеты пластырем, утянула пояс и пристегнула к бедру личный органайзер: прямой клинок Miller со светодиодом, ножницы Листера, катетеры и ампульницу.

В гараже гудели моторы. Наш реанимобиль — тяжелый Mercedes Sprinter — стоял у распахнутых ворот. У капота курил седоусый крепыш в замасленной жилетке.

— Здорово, дочка. Михалыч я, — прищурился водитель. — Арсюха у нас медведь контуженый, но дело знает. Ты главное в салоне за верхний поручень держись. Я по перекресткам тормозить не приучен.

— Привыкну, дядя Миша.

Под потолком взвыл ревун, и динамик разорвал тишину:

— Бригада БИТ-1! Промзона «Тяжмаш», компрессорный цех номер два! Обрушение конструкций, тяжелая травма, человек без сознания!

Волгин с чемоданом вылетел из бокса:

— По машинам!

* * *

Едва захлопнулась дверь, Арсений щелкнул тумблером дефибриллятора-монитора LifePak-15. Экран мигнул желтым значком батареи: «Заряд 15%. Замените аккумулятор».

Волгин грязно выругался, ударив по прибору:

— Вторая смена сдала аппарат разряженным! Батарея пустая, на один разряд не хватит! Стой, Михалыч! Без резерва мы с завода труп привезем!

Он выскочил обратно в бокс. Я бросилась следом.

Мы влетели в сейфовую комнату. За конторкой восседала старший фельдшер Тамара Васильевна — сухопарая дама пятидесяти лет в золотых очках на цепочке, хранительница всех наркотиков и оборудования станции.

— Васильевна, открывай второй сейф! — крикнул Волгин. — Запасной блок к «Лайфпаку» и две ампулы Метализе! На заводе тяжелая травма, шок!

Тамара Васильевна даже не подняла глаз от гроссбуха:

— Не положено, доктор Волгин. Резервные аккумуляторы и тромболитики опечатаны под ревизию Логинова. Без письменного разрешения Рогова с круглой печатью сейф не открою. Ждите утра.

— Человек умирает! — взревел Арсений, вцепляясь в решетку. — На мониторе пятнадцать процентов! Если начнется фибрилляция, чем я его стрелять буду?!

— Инструкция для всех одна, — отчеканила она, пряча ключи в карман. — Рогов уже уехал на совещание. А я под статью о растрате не пойду.

Я протиснулась вперед и положила ладони на ее журнал:

— Тамара Васильевна, посмотрите на меня. Врач Мельникова. Статья тридцать седьмая закона триста двадцать три

обязывает нас спасать жизнь безотлагательно. Если пациент погибнет из-за отказа аппарата, Следственный комитет квалифицирует это по статье сто двадцать четвертой УК РФ — неоказание помощи больному со смертельным исходом. До четырех лет тюрьмы с запретом на профессию. И первой обвиняемой пойдете вы, как лицо, удержавшее технику.

Фельдшерица побледнела:

— У меня приказ...

— Доставайте журнал экстренного изъятия, — мой голос звенел сталью. Я достала личный штамп и впечатала синий оттиск «Врач Мельникова К.В.» прямо в графу особых отметок. — Роспись под мою личную уголовную ответственность. Ключи на стол.

В дверях грохнула монтировка — в проеме вырос Михайч:

— Васильевна, не дури! Девка дело говорит! Мужик на заводе кончается, грех на душу не бери! Отдавай батарею, пока я замок монтировкой не свернул!

Тамара Васильевна судорожно достала ключи и повернула ригель сейфа. Нервным движением она вытащила увесистый литий-ионный блок и жестяную кассету с ампулами Метализе стоимостью под сто тысяч рублей.

— Забирайте! — бросила она в сердцах.

Ее пальцы соскользнули, и кассета с ампулами полетела углом вниз, на растрескавшийся бетон.

Волгин не успевал перехватить.

Я сработала на чистом рефлексе: выбросила тело вперед в резком гимнастическом падении, ударившись коленом о ледяной пол, и вытянула ладонь у самого низа. Металлический край больно врезался в пальцы, содрав кожу, но кассета замерла в пяти сантиметрах от бетона. Целая. Ни единой трещины.

В тишине слышно было только, как капает кран.

Я поднялась на ноги, отерла пыль с кассеты и передала ее онемевшему Волгину.

Тамара Васильевна смотрела на меня широко раскрытыми глазами, прижимая руку к груди:

— Ловкая, чертовка... Забирайте батарею, Мельникова. И вернитесь живыми только.

Волгин щелкнул фиксатором, загоняя аккумулятор в LifePak-15. На панели ярко загорелся зеленый диод: «Заряд 100%». Он бросил на меня тяжелый, ошеломленный взгляд из-под бровей:

— В машину. Время.

Глава

2

Перед выездом Михалыч попросил диспетчера вызвать к заводу полицию: адрес был слишком хорошо знаком. Сирена была над ночным городом, разрезая темноту синими вспышками. Михалыч вел «Спринтер» на пределе: машина перелетала через рельсы, входя в повороты с визгом резины. Я сидела, вцепившись в поручень и удерживая ногами чемодан

с растворами.

Промзона «Тяжмаша» выглядела кладбищем гигантов: черные туши заброшенных цехов, ржавые краны, бурьян из-под бетонных плит. Михалыч пробил завал строительного мусора и затормозил у низкого пандуса с вывеской «Компрессорная № 2»:

— Дальше хода нет, трубы упали. Я на развороте стою, мотор грею. Если что — жмите тревожную на рации.

Волгин выскочил наружу, натягивая налобный фонарь:

— Мельникова, остаешься в машине. Приготовишь инфузию. Там мазут по колено и контингент жуткий.

— На политравму одному не ходят, доктор Волгин, — я прыгнула в мерзлую глину следом, закинув за спину рюкзак и подхватив переносной кислородный баллон. — Вдвоем носилки понесем. Работаем в паре.

Он сжал челюсти, но спорить не стал:

— Под ноги смотри. Не отставать.

Спуск в подвал компрессорной напоминал разлом. Лестница осыпалась, ржавая арматура торчала копиями, снизу несло мазутом, сыростью и тлеющей проводкой.

Волгин шагнул первым. На мокром швеллере его нога сорвалась. Массивная фигура качнулась назад над трехметровым провалом с торчащими уголками.

Я среагировала мгновенно: бросила баллон на верхнюю площадку, обеими руками вцепилась в стальной карабин его разгрузки и уперлась мысками берцев в стык плиты. Плечи

обожгло резкой болью от рывка, но я удержала его вес. На секунду мы замерли щека к щеке; его горячее, прерывистое дыхание коснулось моей кожи.

— Держу, — выдохнула я сквозь зубы. — Ногу вправо на швеллер ставь!

Арсений нащупал опору и поднялся. Я забрала баллон с площадки. Он взглянул на мои побелевшие пальцы на карабине и хрипло бросил:

— Хватка у тебя железная. Пошли.

Мы спрыгнули в затопленный зал. Ледяная черная жижа доходила до щиколоток. В углу, под рухнувшими воздуховодами, на досках лежал парень лет двадцати двух. Комбинезон разорван, лицо серое от липкого пота, правая половина груди неестественно вздута, а из раны со свистом и хлюпаньем хлестала алая пена.

— Проникающее ранение груди, напряженный пневмоторакс, — оценила я, опускаясь на колени прямо в жижу. — Пульс сто шестьдесят, нитевидный!

Волгин раскрыл чемодан, когда из темноты за колоннами раздался пьяный хохот:

— Опа... Гости с мигалками пожаловали.

Луч фонаря выхватил троих в грязных ватниках. У одного был обрезок водопроводной трубы, у второго — строительный лом. А третий, жилистый главарь с наколкой-перстнем, крутил в руке самодельную стальную заточку:

— Слышь, айболиты. Пацана оставьте, ему все равно

крышка. А чемоданчик открывайте. Ампулы с кайфом сюда, бабки на бочку, и валите, пока целы. Девку можете оставить, согреем.

Волгин медленно поднялся во весь исполинский рост:

— Отойди от носилок, мразь.

— Ты кому дерзишь, падла?! — взвизгнул главарь и выбросил руку с заточкой снизу вверх, метя Арсению прямо в горло.

Волгин в узком проходе между трубами не успевал уклониться.

Я не рассуждала. В правой руке был тяжелый металлический фонарь Maglite. Я шагнула наперерез и с разворота корпуса со всей силы рубанула ребром фонаря по лучезапястному суставу бандита.

Раздался сухой хруст ломающейся кости.

Главарь взвыл от дикой боли, роняя заточку в жижу. Двое других с матом двинулись вперед, занося трубы.

В ту же секунду я сорвала колпак с пятилитрового кислородного баллона у ног и повернула вентиль высокого давления настежь.

С реактивным ревом струя сжатого под давлением ста пятидесяти атмосфер кислорода вырвалась наружу. Ледяной смерч белого пара с температурой под минус пятьдесят градусов ударил прямо в лица нападающим. Ослепленные, задыхающиеся маргиналы с воплями отлетели назад, роняя железо в воду и растирая обожженные холодом глаза.

— Назад! — мой голос звенел яростью. Я перекрыла вентиль и встала перед ними во весь рост: — Кислород под давлением! При малейшей искре здесь все взлетит к чертям! Сгорите заживо!

Они вжались в стену, глядя на меня с животным ужасом.

Я схватила воющего главаря за шкурку ватника:

— Слушай сюда! Твой дружок умрет через три минуты! А ты сядешь по сто пятой за соучастие в убийстве и нападение на врачей на пятнадцать лет строгого режима! Хватай петли носилок и тащи наверх, живо!!

Опешивший бандит послушно вцепился здоровой рукой в лямку.

— На раз-два — подъем! — скомандовал Волгин. В его взгляде вспыхнуло бешеное уважение к соратнику, прошедшему рукопашную.

Мы вынесли раненого по лестнице. Наверху бандита приняли подоспевшие полицейские; двое его дружков остались в подвале. Михалыч монтировкой выбил заклинившую створку двери, освобождая путь к машине:

— В салон его, быстро!

* * *

Двери захлопнулись, и реанимобиль сорвался с места с визгом покрышек. Я упала на колени у изголовья носилок. Парень на каталке умирал.

Лицо приобрело свинцовый оттенок, трахея на шее сместилась влево, подкожная клетчатка раздувалась пузырями

— эмфизема стремительно уродовала черты. Пульсоксиметр верещал: сатурация 58%, пульс 145, давление — 55 на 20.

— Напряженный пневмоторакс справа! — крикнула я. — Воздух накачивается в плевру, полая вена пережата! Остановка сердца!

— Интубирую! — Волгин достал штатный ларингоскоп с клинком Macintosh 4, разжал челюсти парня и завел металл в ротоглотку.

Машина подскочила на ухабе — и свет на кончике клинка моргнул и погас.

— Черт! Контакты в рукоятке окислились от подвальной сырости! — в бешенстве выкрикнул Арсений, яростно тряся прибор. Лампочка не зажигалась. В глотке стояла сплошная багровая тьма. Парень выгнулся дугой и обмяк — агональное апноэ.

— Отойди! — я оттолкнула локоть Волгина.

Моя рука расстегнула набедренный чехол. Личный клинок Miller номер три со сверхярким светодиодом. Щелчок — и салон озарил чистый белый луч.

Я завела прямой клинок по средней линии, прижимая надгортанник одним точным движением. Белый свет высветил сомкнутые связки.

— Санация! — крикнула я. Волгин убрал пену аспиратором.

Трубка 7.5 с синей полосой скользнула между связок ровно на двадцать два сантиметра:

— В трахее! Раздуваю манжету! Качай!

Волгин сжал мешок Амбу, но правая половина груди не шелохнулась. Наоборот, купол ребер справа натянулся барабаном. Воздух через рану бронха уходил в плевру, превращая легкое в комок и сжимая сердце.

Монитор выдал протяжный писк: пульс рухнул до тридцати. Остановка эффективного кровотока.

— Скальпель! — заорал Волгин. — Вскрою межреберье вслепую!

— С ума сошел?! — я намертво вцепилась в его руку со скальпелем. — Нас бросает из стороны в сторону! Одно движение — и ты снесешь внутреннюю грудную артерию! Он истечет кровью за двадцать секунд! Не смей резать!

— Он умирает, Кристина!

— Смотри на меня!

Я выхватила оранжевую иглу катетера G14 длиной пятьдесят миллиметров. Зубами вскрыла пачку перчаток, ножницами Листера отсекла палец, натянула на канюлю и срезала кончик резины. Клапан Бюлау.

Машину кинуло в занос на набережной, но мои пальцы работали с ювелирной точностью.

Второе межреберье по среднеключичной линии справа, строго по верхнему краю третьего ребра.

Я зафиксировала межреберье и навалилась всем весом на иглу.

Сухой хруст пробитой плевры — и с оглушительным сви-

стом наружу рванул фонтан сжатого воздуха с кровавой пеной!

Резиновый палец перчатки на игле мгновенно раздулся и с хлопком стравил давление. На вдохе резина слипалась, запирая вход воздуху, на выдохе — раскрывалась, выводя избыток. Давление в плевре рухнуло.

— Воздух ушел! — закричала я. — Легкое расправляется! Качай, Арсений!

Волгин сжал мешок Амбу — и обе половины грудной клетки поднялись симметрично и глубоко.

Монитор замолчал, а затем ожил мерным звуком: «Пик... пик... пик...».

Пульс: 68... 82 удара. Синусовый ритм.

Давление: 95 на 60... 110 на 70!

Сатурация: 78%... 89%... 96%!

Свинцовая синева сошла с лица парня, сменившись живым розовым цветом. Он сделал первый глубокий вдох под трубку. Живой!

Волгин медленно опустил руки. Его грудь тяжело вздымалась, по лицу тек пот, смешанный с копотью. Он посмотрел на дрожащий резиновый клапан над ключицей парня, потом перевел взгляд на меня.

В его серых глазах плескалась темная, горячая бездна.

— Мельникова... — выдохнул он тихо, стирая пот рукавом. — Ты где этому научилась?

— На кафедре реанимации, доктор Волгин. С отличием,

если забыли.

Волгин коротко, хрипло усмехнулся — впервые за вечер — и покачал головой:

— Черта с два тебя Логинов отсюда выживет. Я ему лично этот клапан в глотку затолкаю.

Глава

3

Машина вылетела на мост. Снежная крупа секла стекла. Впереди горели стоп-сигналы глухого затора: длинномер развернуло поперек трех полос перед Первой городской больницей.

— Заперто! — крикнул Михалыч. — Минут пять потеряем!

— Дядя Миша, вправо бери! — крикнула я в перегородку. — Перед мостом технологический съезд на трамвайные пути! Рельсы в бетоне, «Спринтер» пройдет впритирку! Я на этой линии в интернатуре дежурила!

— Ай да умница! — Михалыч крутанул руль. Реанимобиль подпрыгнул на бордюре, пронесся по пустынным путям мимо пробки и через две минуты затормозил у шокового зала травмоцентра.

Створки распахнулись. Мы выкатили носилки на сверкающий кафель. Из ординаторской вальяжной походкой вышел дежурный торакальный хирург в белоснежном фартуке поверх шелкового костюма.

Он глянул на трубку, скользнул по ключице и скривился:

— Это что за самодеятельность? Кто разрешил дырять плевру кустарной иглой с резиновым пальцем? Снова четвертая подстанция средневековьем балуется?

Я шагнула вперед, заслоняя каталку:

— Пациент с проникающим ранением груди, напряженным пневмотораксом, осложненным коллапсом и клинической смертью. Интубирован клинком Miller номер три, трубка семь с половиной. Выполнена декомпрессия во втором межреберье по среднеключичной линии катетером G14 с лепестковым клапаном строго по протоколу ATLS. Сброшено двести пятьдесят миллилитров воздуха и крови. Давление сто десять на семьдесят, сатурация девяносто шесть, синусовый ритм. Распишитесь в карте вызова номер четыреста двенадцать, доктор. И не тратьте время — парню нужна срочная торакотомия.

Хирург осекся. Щеки его залились краской. Он взял фонендоскоп и выслушал легкие парня: справа ровно и чисто шумел воздух. Пульсоксиметр выдавал идеальную волну.

— Кто интубировал и дренировал? — тихо спросил он.
— Волгин?

Арсений шагнул вперед, положил тяжелую ладонь мне на плечо и произнес с глухой гордостью:

— Мой второй врач — Кристина Владимировна Мельникова. Лично. И если бы не ее «средневековье», вы бы сейчас писали протокол вскрытия. Принимайте больного.

Хирург молча достал личную печать, припечатал бланк и

кивнул:

— Отличная работа, коллега. В операционную, бегом!
Каталку укатали. В шок-зале наступила тишина.

Мы вышли на пандус. Дождь утих, с реки тянуло свежим речным ветром. Я прислонилась к теплому борту «Спринтера», чувствуя, как ноги наливаются свинцом, а пальцы мелко дрожат от спадающего адреналина.

Волгин подошел молча. Внезапно он осторожно перехватил мое правое запястье и бережно закатал рукав синей куртки.

На предплечье темнела глубокая рваная ссадина, покрытая запекшейся кровью — след от арматуры в подвале, когда я удерживала его от падения. В горячке я даже не почувствовала боли.

— Почему молчала? — негромко спросил он. В его голосе не осталось грубости — только глухая тревожная нежность, от которой по коже побежали мурашки.

— Не до того было. Царапина.

— Дура ты, Мельникова, — пробормотал он без тени обиды. Достал спиртовую салфетку, подушечками пальцев бережно смыл грязь и кровь и наклеил пластырь. Его огрубевшие, шершавые пальцы касались моей кожи так осторожно, словно боялись сломать.

Затем он отвинтил крышку походного термоса и налил темно-янтарный чай. От него пахло чабрецом, мятой и смородиной.

— Пей. Согрейся.

Я взяла горячую крышку обеими руками. Первый глоток разлился по телу спасительным теплом, снимая железный зажим с горла:

— Спасибо, Арсений.

Он посмотрел на меня сверху вниз. В полумраке фонарей лицо со шрамом казалось каменным, но в серых глазах больше не было льда — там горел ровный, глубокий огонь.

— С этой минуты на всех вызовах встаешь со мной к первому столу, Кристина, — произнес он веско. — Ты доказала право быть здесь. И плевать мне на Логинова. Мой напарник — ты.

Из кабины высунулся Михалыч, жуя сухарик:

— Эй, орлы! Диспетчер передала: на шестнадцатietàжке в новом ЖК «Северная Звезда» конструкции трещат, жильцы трещины в стенах находят. Логинов велел вызовы придерживать, но чувствует мое сердце — полыхнет эта стройка к чертям. По коням, на базу пора, смену сдавать!

Мы переглянулись с Арсением. Над рекой поднимался утренний туман. Я знала: впереди нас ждет тяжелая битва. Но теперь мы стояли плечом к плечу.

* * *

Холодный розовый рассвет пробивался сквозь закопченные верхние фрамуги гаражного бокса, когда наш «Спринтер» со скрипом замер над смотровой ямой. Мотор заглух, и в наступившей тишине стало слышно, как гудят уставшие

мышцы и потрескивает остывающий радиатор.

Мы с Михалычем размотали резиновый шланг, подключенный к магистрали. Ледяная тугая струя со свистом сбивала рыжую глину промзоны и бурые капли с подкрылков. Руки у меня занемели, мокрые берцы хлюпали, но внутри звенела чистая, ясная струна победы: рабочий с «Тяжмаша» был жив и сейчас дышал на операционном столе.

Из бокса выездной мойки вынырнул водитель сменной шестой бригады — одутловатый мужик с перегаром и недовольной физиономией. Он заглянул в салон через распахнутую боковую дверь, брезгливо фыркнул:

— Ну и свинарник развели! Носилки в кровище, на полу мазут... Эй, новенькая, бери ведро и драйте с Михалычем пол, пока смена не пришла. Мне на такой помойке выезжать не с руки.

Я выпрямилась, готовая спокойно ответить и взять швабру с хлорамином — в интернатуре мне не раз приходилось отмывать шоковые залы, и ложной гордости во мне не было. Но Михалыч среагировал быстрее.

Водитель шагнул вперед, перехватил рукоятку швабры и с глухим стуком припечатал ее к бетонной стене в пяти сантиметрах от носа сменщика:

— А ну пасть захлопни, тюлень гаражный! — рывкнул дядя Миша так, что под потолком отозвалось эхо. — Девчонка пацана с того света на ходу выдернула, плевро пробила, бандитов в подвале разогнала! А ты ее в полomoйки записыва-

ешь? Если у тебя руки из карманов не вынимаются, сам бери тряпку и драй! А рот на нашего врача еще раз откроешь — монтировку плашмя пропишу!

Из диспетчерской вышел Волгин. Он снял налобный фонарь, окинул взглядом сжавшегося водителя и негромко бросил дежурному механику:

— Салон обрабатает санитарная смена по приказу номер пятьсот пять. С этой минуты реанимобиль БИТ-1 заправляется и моется в первую очередь. Вопросы есть?

Механик торопливо закивал и потащил сменщика за рукав в подсобку.

Арсений подошел к капоту «Спринтера», держа в руках три граненые кружки с крутым кипятком. От темного настоя поднимался густой пар, пахнувший сахаром, индийским чаем и сухим чабрецом. Он молча протянул одну кружку мне.

— Спасибо, доктор Волгин. Мне надо бежать оформлять карту вызова...

— Стой, — он властно, но без грубости накрыл мою ладонь своей тяжелой горячей рукой, заставляя пальцы обхватить стекло. — Сначала пей. Дрожащие от усталости руки врача — прямая угроза для следующего больного. Это закон линии, Мельникова. Пей.

Тепло кружки обожгло ледяные пальцы, возвращая к жизни. Я сделала жадный глоток: сладкий терпкий чай разлился по пищеводу живительным огнем.

Волгин попытался расстегнуть ворот своей штормовки,

потянул правый рукав и внезапно резко вскрикнул сквозь зубы, согнувшись пополам. Лицо его побелело.

— Арсений? — я мгновенно отставила чай на капот.

— Ерунда... Мышцу потянул в подвале, — прохрипел он, пытаясь выпрямиться, но правое плечо неестественно обвисло, а ключичный конец приподнялся под тканью куртки.

— Не мышцу, — я осторожно коснулась пальцами его надплечья через ткань. Он глухо зашипел от боли. — Подвывих акромиально-ключичного сочленения. Ты на лестнице, когда сорвался, всем весом на суставе повис. Бегом в процедурную.

Михалыч, жуя горячий пончик из бумажного кулька, с доброй усмешкой подмигнул в усы:

— Ты гляди, Арсюха, девчонка-то глаз-алмаз имеет. Не спорь с доктором, марш на перевязку!

В ординаторской мы быстро разложили карты. Я вывела четким почерком: «Декомпрессия напряженного пневмоторакса справа во втором межреберье по среднеключичной линии иглой G14 с лепестковым клапаном». Достала свой синий штамп. Оттиск «Врач Мельникова К.В.» лег рядом с жирным штампом «Врач скорой помощи Волгин А.Д.».

Арсений посмотрел на две синие печати, запечатавшие наш первый совместный вызов, и коротко кивнул:

— Сработались. Пошли в процедуру, пока смена не убежала.

Глава

В процедурном кабинете стояла утренняя тишина. Белый кафель блестел в косых лучах солнца, пахло хлорамином, сушеной ромашкой и медицинским эфиром.

Я подошла к умывальнику, смыла мылом дорожную пыль и попыталась левой рукой наложить стерильную салфетку на собственное правое предплечье. Рана от ржавого швеллера в подвале саднила, края припухли, бинт выскальзывал из неловких пальцев.

Дверь скрипнула. Волгин вошел без куртки, в темно-синей форменной футболке, обтягивающей широченную спину и мощные бугры плеч. Увидев мои бесплодные попытки, он нахмурился, подошел к манипуляционному столику, взял металлический пинцет и банку с перекисью:

— Сядь на кушетку, Мельникова.

— Я сама могу...

— Сядь, говорю.

Я послушно опустилась на клеенчатую кушетку. Арсений сел рядом на винтовой табурет. Его огромная фигура загородила окно. Он осторожно взял мою кисть левой рукой, повернул ладонью вверх. Его пальцы — огрубевшие, в мозолях от железа носилок и руля — держали мое запястье с пугающей, почти благоговейной аккуратностью.

Ватный тампон, пропитанный перекисью, коснулся раны. Белая пена зашипела на коже. От резкого жжения я невольно вздрогнула и прикусила губу.

Арсений мгновенно замер.

— Больно?

— Терпимо, — выдохнула я.

Он поднял глаза. Мы оказались на расстоянии полувздоха. За окном глухо гудели моторы в гаражах подстанции, в раковине с редким звоном падала капля из крана, пахло хлорамином и спиртом. Я видела каждую крапинку в его серых, глубоких зрачках, крошечный шрам у переносицы и пульсирующую жилку на виске. В его взгляде проступило обнаженное, тревожное мужское тепло, от которого по моей ключице пробежала волна мурашек, а дыхание сбилось.

Он сглотнул, словно очнувшись, и нарочито сухо проворчал:

— Если мой второй врач сляжет с флегмоной предплечья от ржавой проволоки, Рогов снимет с меня квартальную премию.

— Вы не умеете врать, Арсений, — негромко ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Вам просто не все равно.

Его рука дрогнула, но он промолчал. Быстро наложил полосу стерильного бинта, зафиксировал края пластырем и поднялся:

— Твоя очередь.

Я заставила его сесть на кушетку и снять футболку.

На его торсе живого места не было: полосы старых осколочных шрамов на ребрах, круглый след от пулевого ранения под ключицей — эхо его службы военным врачом на Кавка-

зе. Но правое плечо припухло: в области ключично-акромиального сочленения прощупывался выраженный отек и резкая болезненность.

— Суставная сумка растянута, кости целы, — констатировала я, доставая из шкафа широкий эластичный бинт. — Нужна тугая иммобилизация на трое суток.

Я встала вплотную к нему. Мои пальцы легли на его горячую, гладкую кожу, обводя контур широкой лопатки. Арсений сидел неподвижно, лишь под лопаткой напряженно вздрагивала широкая полоса мышцы, но я чувствовала, как под моими ладонями натягиваются стальные волокна, а его сердце колотится гулко и часто.

Я аккуратно наложила восьмиобразную повязку Дезо, прижимая согнутое предплечье к груди и фиксируя сустав:

— Рукой не дергать, тяжести не поднимать. На вызовах носилки носит Михалыч и фельдшеры.

— Еще чего, — проворчал он, но послушно позволил завязать узел.

В этот момент дверь распахнулась, и на пороге замерла Тамара Васильевна со стопкой чистых вафельных полотенец. Она окинула взглядом полураздетого Волгина, меня, стоящую вплотную к его груди, и опустила стопку на стол. На ее строгом лице появилась едва заметная, теплая усмешка:

— Гляди-ка... Волгин у нас ручной стал. Сидит, повязочки примеряет. Чудеса в решете на четвертой подстанции.

— Васильевна, не язви, — буркнул Арсений, натягивая

футболку здоровой рукой.

— А я не язвлю, — старший фельдшер подошла к плитке и щелкнула тумблером кофеварки. — Кофе пейте, герои. Скоро дневные бригады явятся, начнется бедлам. Ты, дочка, молодец. Давно Арсюху никто в узде не держал.

Мы переглянулись с Волгиным. В утреннем воздухе процедурной больше не было холода.

* * *

К половине девятого утра коридоры подстанции заполнились шумом: хлопали двери, звенели ключи от наркотических шкафов, линейные врачи спорили у диспетчерской стойки.

Я зашла в раздевалку, чтобы повесить куртку. В самом дальнем углу комнаты стоял ряд старых железных шкафчиков с облупившейся серой краской. Шкафчик номер тринадцать был приоткрыт: сломанный почтовый замок болтался на одной заклепке. От сквозняка из приоткрытой двери на пол выпорхнул пожелтевший лист миллиметровки — старая кардиограмма с затухающей синусоидой.

Я наклонилась, подняла бумагу и машинально заглянула внутрь.

На верхней полке лежала форменная фуражка скорой помощи с потускневшей кокардой, старый латунный стетоскоп Littmann Classic и небольшая цветная фотография в простой деревянной рамке. На снимке улыбался молодой, светлый парень лет двадцати пяти с озорными карими глазами и фо-

нендоскопом на шее. В углу рамки темнел кусочек черной шелковой ленты.

Под фотографией лежала записка, выведенная твердым почерком Волгина: «Игорек. Прости, что не успел».

За спиной раздался тяжелый топот. Дверь шкафчика с оглушительным грохотом захлопнулась от удара кулака.

Волгин стоял надо мной, тяжело дыша. Его лицо перекосила ярость, жилы на шее вздулись:

— Кто разрешил лазить в чужие вещи?! — прорычал он, вырывая листок ЭКГ из моих пальцев. Металлическая дверца прогнулась от его удара, штукатурка со стены посыпалась на пол. — Это не твой шкаф, Мельникова! Пошла вон отсюда!

Он круто развернулся и вылетел через запасной выход на наружную металлическую пожарную лестницу, ведущую на крышу подстанции.

Я не испугалась. Внутри поднялась горячая, упрямая волна. Я толкнула тяжелую железную дверь и вышла следом на продуваемую ветром площадку третьего яруса.

Ледяной ветер с реки рвал полы куртки. Внизу плескалась свинцовая вода, затянутая серыми клочьями тумана. Волгин стоял, вцепившись здоровой рукой в железные перила, и смотрел на речные перекаты. Пальцы его мелко дрожали, сигарета в зубах промокла от мороси.

— Арсений, хватит рычать на меня из-за чужих призраков, — сказала я, подходя вплотную к перилам и подставляя

лицо колючему ветру. — Если мы напарники, прекрати вымещать на мне свою боль. Скажи правду в лицо.

Он замер, не поворачивая головы. Плечи его судорожно дернулись.

— Правду? — голос прозвучал сдавленно, с глухим надрывом. — Хочешь правду, доктор Мельникова? Это шкаф Игоря Соловьева. Моего фельдшера. Мальчишке двадцать шесть лет было. Два года со мной бок о бок отлетал. Душа парень был, на гитаре в ординаторской играл...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.